

СТАЛИНГРАД В. КОРОТЕЕВ

ПОЛЬЗУЯСЬ РОТОЗЕЙСТВОМ...

Г. АЛЕКСАНДРОВ,
государственный советник юстиции
3 класса

Враги прибегают к самым гнусным и коварным методам борьбы, чтобы нанести вред Советскому государству. Используя любую лазейку, любой промах наших людей, они пытаются создать свою агентуру в СССР, вовлечь в нее неугодные, разложившиеся элементы, носители буржуазных взглядов и буржуазной морали, скрытых врагов народа.

Известно, что преступная бесчестность и благодушие некоторых советских людей, их ротозейство являются той лазейкой, которую особенно охотно использует враг. Именно ротозейство является питательной почвой для вредительства. Можно не сомневаться, что, пока есть у нас ротозейство, будут и вредители, следовательно, чтобы ликвидировать вредительство, надо покончить с ротозейством в наших рядах.

Ротозейство — весьма опасная болезнь. Она открывает двери нашим организациям, предприятиям и учреждениям для проникновения вражеской агентуры. Хищение государственных средств является для нее одной из форм вредительства, подрывной деятельности.

Приведем несколько случаев, когда преступная бесчестность и благодушие некоторых руководителей дала возможность темным людям расхищать государственные средства, получать доступ к источникам важных государственных сведений.

Некий Мухоморов, несколько лет назад осужденный за кражу и мошенничество, отбыв наказание, приехал в Довбасс. Предъявив диплом об окончании им Донецкого индустриального института, он попросился на работу в трест «Довбогосбест». Ротозейство из треста не придало значения даже тому факту, что на дипломе Мухоморова почему-то стояла печать Азербайджанского геологоразведочного техникума.

Проходящий был принят на работу, и с этого момента начинается его головокружительная карьера. Он назначается заместителем директора обогатительной фабрики «Юнком», затем директором Ново-Узловской центральной обогатительной фабрики и сменным инженером Никитовской обогатительной фабрики. Совершив ряд преступлений, он неожиданно оставил работу в тресте, не распрощавшись даже со своим «благодетелем», и отбыл, как говорится, в неизвестном направлении.

Проходит некоторое время, и Мухоморов появляется в Казахстане на посту начальника обогатительной фабрики одного из комбинатов Министерства черной металлургии СССР. Некоторое время он исполняет обязанности главного инженера комбината. И здесь его деятельность была устроена только в одном направлении — на расхищение народных средств. Он получает обманным путем — под предлогом оказания технической помощи колхозам — более ста тысяч рублей и вновь исчезает.

В течение небольшого отрезка времени Мухоморов можно было встретить в разных концах нашей страны, на различных должностях и под разными фамилиями. Переезжая из города в город, он с удивительной легкостью устраивается на любованных им должностях. Мухоморов едет на Украину, и вот он главный инженер Каменского торфопредприятия. Мухоморов приезжает в Среднюю Азию, и ему предоставляются должности: то главного инженера шахты № 8 треста «Узбекуголь», то главного инженера шахты № 6 Кызыл-Кия (Киргизия). Мухоморов появляется в Феокинии и Кишиневе, в Астрахани, Симферополе и Гурьеве. Он был Хмельницким, Мурашкиным, Невским, Козловым, Корфом. В начале прошлого года под фамилией Ротенбергского он работ-

тал в Грузии инженером треста «Тварчешахтстрой». Только в Майкопе при поступлении на очередную работу он был, наконец, разоблачен.

Таков длинный путь преступлений, совершенных этим проходимцем, мошенником, вредителем. И, к сожалению, на этом пути ему понаслышке много людей бесчестных, ротозейов, предававших Мухоморову широкую возможность безнаказанно расхищать крупные государственные средства. Руководители ряда хозяйственных учреждений предоставляли проходимцу, кроме того, возможность изучать деятельность предприятий угольной промышленности. Ротозейов, как видно, не приходила в голову мысль, что, не соблюдая при назначении Мухоморова элементарных требований проверки, он тем самым предоставлял ему и доступ к важным документам, имеющим отношение к нашей экономике.

А между тем выяснилось, что Мухоморов — человек, враждебно относящийся к советскому строю. Именно такие люди представляют интерес для вражеской агентуры и являются ее резервом.

Б такой же категории врагов относятся и некий Майоров, которому не в меру доверчивые люди предоставляли несколько лет назад ответственный пост в Министерстве просвещения Дагестанской АССР. Много злоупотреблявший совершил Майоров, пока не был разоблачен, но ему удалось скрыться.

Подобно Мухоморову, Майоров начал ковать по стране и, пользуясь подложными документами, подвизался в самых различных учреждениях, где неизменно совершал хищения. Бесчестность ротозейов дала ему возможность не раз занимать ответственные посты. Когда Майоров был арестован, у него нашли десятки подложных документов, в числе которых были два диплома об окончании педагогических институтов и десятки чистых бланков со штампами и печатями различных учреждений.

Когда следственные органы выясняют, каким образом подобные темные люди, как Мухоморовы и Майоровы, проникают в советский аппарат, они обнаруживают факты, вызывающие возмущение и недоумение. Выясняется, что иной раз преступникам не приходится даже прибегать к каким-то сложным махинациям. Фальшивый документ, настолько грубо сфабрикованный, что в нем мог бы разобраться каждый, «приятное впечатление», произведенное при личной беседе, подчас просто телефонный разговор — и назначение состоялось.

Один из преступников, некий К. действовал именно так — по телефону. Для того, чтобы проникнуть в учреждение, он звонил кому-либо из его руководителей и называл себя приехавшим с периферии ответственным работником. Во время телефонного разговора преступник просил принять по какому-либо вопросу другого будто бы приехавшего вместе с ним менее ответственного работника, называл его имя, фамилию. Являясь затем под этим именем и фамилией в учреждение и имея «телефонную рекомендацию» ответственного работника с периферии, он без особого труда осуществлял свои преступные махинации.

Враг пользуется и более хитроумными способами проникновения в советский ап-

парат. Требуется настоящая революционная бдительность, соблюдение всех правил, предусмотренных при проверке вновь поступающего на работу. Жизнь показывает, что враг, проникнув даже на весьма скромную должность, получает возможность нанести серьезный ущерб государству.

Об этом забыли, например, руководители Ново-Покровского райисполкома Саратовской области и жестоко заплатились. Некий П. Мухоморов после освобождения из места заключения приехал в Ново-Покровский район и решил развернуть здесь свою деятельность. Для начала он устроился экспедитором в один из колхозов. С легкой руки местных ротозейов он развил энергичную деятельность, снабжая колхозы и различные районные организации строительными и лесными материалами.

Не интересуясь по-настоящему ни личностью Мухоморова, ни тем, как он добывает эти материалы, председатель райисполкома Л. Лопаткин и секретарь райисполкома М. Морозов снабдили его документом о том, что ему «поручается приобретение, приемка и отгрузка в адрес отдела сельского и колхозного строительства лесных и других строительных материалов».

Так колхозный экспедитор превратился в уполномоченного райисполкома, причем не только одного Ново-Покровского. Подобный же документ выдал ему и Казахский райисполком той же Саратовской области.

И вот Мухоморов начинает «оперировать». Он получает от колхозов, потребительских обществ и других районных организаций крупные денежные суммы. В банке в распоряжение Мухоморова предоставлен текущий счет колхоза «Стахановец», с которого он получает деньги по предъявительским чекам. Бланки чеков так же легко были предоставлены «уполномоченному».

«Скрытый» колхозный экспедитор проникает на предприятия Саратова, вовлекает в преступления некоторых работников и начинает сбывать колхозам и другим организациям строительные материалы, похищенные у этих же предприятий. Проникший и авантюрист получил наряду с тем возможность высвистать характер многих промышленных предприятий области. Ему был открыт доступ к служебным документам.

Вражеская агентура пользуется такими людьми. Порой, как мы писали выше, расхитители государственной собственности оказываются скрытые враги народа — агенты иностранных разведок. В Башкирской АССР длительное время орудовала группа расхитителей. Когда она была разоблачена, выяснилось, что во главе ее находились классовые враги. Один из них был в прошлом крупным скотопромышленником, второй — белогвардейцем и т. д. Хищения для них являлись не чем иным, как методом жизни, вредительской, подрывной деятельности.

Товарищ Сталин указывает, что вор, расхищающий народное добро и подкапывающий под интересы народного хозяйства, есть тот же шпион и предатель, если не хуже. Это объясняет советских людей проявлять высокую бдительность, пресекать и разоблачать преступную деятельность расхитителей народного добра.

Ротозей опасен потому, что легко попадает на уловки врага, он оказывается неспособным разоблачать вражеские проделки.

С ротозейством нужно решительно бороться.

Сразу после освобождения Сталинграда в этом полуразрушенном здании (справа) открылась школа. Ее директором была назначена Поляна Тихонова — участница обороны города-героя.

Сегодня П. Тихонова, заслуженная учительница РСФСР, продолжает воспитывать юных сталинградцев в новом, светлом и просторном здании школы (справа).

Фото Г. Зельма

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«НЕ ТОЛЬКО МОЯ ЛИЧНЫЙ ВОПРОС...»

13 ноября 1952 года под таким заголовком было опубликовано письмо издателя С. Есаянца и редакционное примечание к письму. В этих материалах критиковались руководящие протезы промышленности — за бесхозяйственное отношение к производству протезов конструкции лауреата Сталинской премии В. Кононова — и дирекция Московского протезно-ортопедического завода имени К. Маркса — за формальный, стандартно-количественный подход к обслуживанию инвалидов.

Заместитель министра социального обеспечения РСФСР тов. Козлов сообщил редакцию, что коллегия министерства обсудила эти материалы и признала критику совершенно правильной. Коллегия обязала Главпротез, Институт протезирования и директоров предприятий устранить отмеченные недостатки. Решено организовать при Московском протезно-ортопедическом заводе специальную бригаду по сборке, полноте и выдаче инвалидам протезов конструкции Кононова.

Руководители Московского протезно-ортопедического завода имени К. Маркса также откликнулись на выступление газеты. Опубликованные материалы, сообщила в письме, «помогли коллективу завода вскрыть ряд недостатков, связанных с изготовлением протезов». Сейчас на этот участок работы поставлены опытные врачи, техники и слесари-сборщики, которые получают необходимый инструктаж непосредственно от тов. Кононова, бывшего на заводе два раза в неделю. Отдел технического контроля тщательно стал проверять качество выпускаемой продукции.

«ПЛОХОЙ ПОДАРОК МАЛЫШАМ»

Под таким заголовком в «Литературной газете» от 5 декабря 1952 года было помещено письмо Б. Видишова о низком качестве стихотворных переводов в книге И. Гришавиной «Маленьким друзьям».

Директор Детизда К. Ф. Пискунов сообщает, что письмо Б. Видишова обсуждалось на общем редакционном совещании издательства. Редакционное совещание признало критику правильной. При переиздании стихов И. Гришавиной будут учтены недостатки, отмеченные в «Литературной газете». Детиздом сделаны выводы о необходимости повышения требовательности к качеству переводов.

ФЕЛЬТОНЫ ЧИТАТЕЛЕЙ Сценарий с конфликтом

Мы искренне и глубоко убеждены, что возможности нашей кинематографии используются до сих пор явно недостаточно. Особенно в области комедийного, сатирического жанра. Есть, например, в литературе такая острая сатирическая форма — фельетон. Его пишут литераторы, журналисты. Был бы, как видим, и «фельетон» читателей. Есть фельетоны, которые отлично звучат с экраном. Имеется, наконец, музыкальный фельетон.

И ист, к сожалению, лишь кинофельетон. Между тем, объективизм киноаппарата, наглядность устной речи, может прояснить в различные уголки нашей жизни и показать зрителям реальные чины и бюрократов, бездельников и вельмож, проходимцев и хапуг и печальные плоды их дел. Такие короткие кинофельетоны можно было бы выпускать в каждой киностудии. Нам кажется, они бы пользовались немалым успехом у зрителей и — главное! — помогли бы искоренять зло.

Почему же все-таки нет на наших экранах кинофельетона? — спросим мы знающего вопрос Министрства кинематографии. Да, сценарий, действительно, нет.

И для того, чтобы помочь Министерству кинематографии, мы скромно попытались написать сценарий одного кинофельетона. Его нам подсказала сама жизнь. Вот он.

«НЕУМОЛИМОСТЬ»

(Сценарий короткометражного кинофильма)

Компьютерный зал в Клеве. Эстрадные герои — веселые друзья Тарапунька и Штепсель — выносят на сцену огромный буфаторский телевизор. В зале тусклый свет и слышится смех: на экране «телевизора» — злободневное изображение жизни города.

(Киноаппарат движется в зал).

ЛЮБОНАТЕЛЬНАЯ МАША (обращаясь к сидящему рядом парню): Вася, неужели это настоящее телевидение?

ВСЕЗНАЮЩИЙ ВАСЯ (влюбленно глядя на парня): Ничего подобного. У них там за экраном киноаппарат. Пускают заранее снятые кадры...

Но вдруг «телевидение» прерывается. В зале смех и недоумение.

На сцене появляется пожарник. (Крупным планом — голова пожарника, вежливо призывающего руку к каске).

ПОЖАРНИК (официально, но все же оучаствуюсь): Демонстрация фильмов, азиатых на широкую, легко воспламеняющуюся пленку в помещениях, специально для этого не приспособленных, воспрещена.

ВСЕЗНАЮЩИЙ ВАСЯ (подруге): Он прав.

ТАРАПУНЬКА И ШТЕПСЕЛЬ (вместе, растерянно): Как же нам быть?

ВСЕЗНАЮЩИЙ ВАСЯ: Пустячное дело! Заменить пирожковую пленку на узкую, безопасную. В Москве, на копировальной фабрике Министерства кинематографии. Работы всего на час. (Затемнение).

Москва. Служебный кабинет заместителя министра кинематографии СССР тов. Плет-

никова. Перед ним представитель Укргоэстрады. Протягивает письмо.

Крупным планом — письмо: «ПРОСИМ СРОЧНО ПЕРЕВЕСТИ 200 МЕТРОВ ШИРОКОЙ ПЛЕНКИ НА УЗКУЮ...»

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ (с должным уважением): Ой, просим!

ПЛЕТНИКОВ (читая, добродушно): Всего 200 метров? Это для вас пустяки!

Крупно — продолжение письма: «НЕОБХОДИМОЙ ДЛЯ КОНЦЕРТА АРТИСТОВ ЭСТРАДЫ ТИМОШЕНКО И БЕРЕЗИНА».

ПЛЕТНИКОВ (изменившись в лице, разгневанно): Что? Министрство кинематографии не намерено откатать всяким эстрадникам! (Негодующе указывает ошеломленному представителю на дверь).

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ (униженно): Товарищ Плетников! Не для себя прошу. Для жанра, для сатиры. Зрители ведь ждут...

ПЛЕТНИКОВ (в шепотном варианте — бароном): Ничего не знаю и знать не хочу! Крупным планом — палец зам. министра, указующий на дверь. Строгое лицо.

На фоне грустно облетающих листьев календаря, поперемело, чаплином, разные должностные лица с телефонными трубками в руках.

Заместитель председателя Комитета по делам искусств УССР тов. БОГОМАЗОВ: Просим!

Министр кинематографии УССР тов. МА-ЗЕПА: Ходатайствуем!

Заместитель председателя Всесоюзного комитета по делам искусств тов. ТЕРДО-ХЛЕБОВ: Помогите товарищам из эстрады!

Председатель Всесоюзного комитета по делам искусств тов. ВЕСИЛАЛОВ: Настоятельно прошу сделать!

Общий вид кабинета Плетникова. В глубине за столом зам. министра с телефонной трубкой в руках. Строгое лицо.

ПЛЕТНИКОВ (неулыбчиво, всем должностным лицам): Нет. Нет. Нет. (Затемнение).

Клеве. Перспектива строящегося Крешатки. Квартира в новом многоквартирном доме.

ЛЮБОНАТЕЛЬНАЯ МАША (обращаясь к мужу Васе — уже мужу!): Вася, когда же мы, наконец, досмотрим «телепередачу»? Ты же говорил мне до свадьбы, что перенести пленку — пустяковое дело...

ВСЕЗНАЮЩИЙ ВАСЯ (хищно, жале Машу — уже жену!): Бюрократизм, Маша, — не пустяковое дело...

ЛЮБОНАТЕЛЬНАЯ МАША: Как же все-таки быть?

ВСЕЗНАЮЩИЙ ВАСЯ (апеллируя в жизни растерявшись!): Ну, знаешь...

(Полное, абсолютное затемнение).

Вот и весь сценарий. За полнотность фактов ручаемся. Драматический конфликт — налицо. Просим Министерство кинематографии разрешить съемку этого кинофельетона. Только сразу на узкую пленку!

Ю. ТИМОШЕНКО, лауреат Сталинской премии, заслуженный артист УССР.

Е. БЕРЕЗИН, лауреат Всесоюзного конкурса артистов эстрады.

К. СИМОНОВ

Об основных проблемах изучения творчества В. В. Маяковского

(Окончание. Начало в № 14 от 31 января)

2. В ряде книг, статей и в ходе недавно закончившегося в Союзе советских писателей обсуждения основных вопросов изучения творчества В. В. Маяковского ясно выявились две тенденции.

Одна тенденция — это изучение наследия Маяковского, его жизни и творчества, изучение, зачастую не свободное от ошибок и промахов, но изучение.

Другая тенденция — «защита» Маяковского от изучения его, попытка заменить изучение признаниями в любви, иногда искренними, иногда неискренними, попытка заменить изучение словословием, соединением в ряде случаев с не слишком благоприятными намерениями — между делом, в групповых интересах, светских счетах со своими литературными противниками.

Разумеется, эта вторая тенденция вредна. Необходимо создать атмосферу нетерпимости к такому «изучению».

Необходимо четко отделить вполне естественные на всякой свободной научной дискуссии споры людей, искренне стремящихся к наилучшему образу разрешить научные проблемы изучения Маяковского, от той беспринципной групповой возни, которая сразу же выплывает на поверхность, как только на трибуну совещания в Союзе писателей поднялся С. Трегуб, а вслед за ним — А. Колосков.

А. Колосков вместо того, чтобы ответить на критику своих работ, данную и в печати и прозвучавшую на совещании, вместо того, чтобы попытаться разобраться в своих ошибках и тем помочь делу дальнейшего изучения творчества Маяковского, по существу ничего не признал, отмахнулся от критики. Он обошел все проблемы, связанные с исследованием творчества Маяковского, и выступил на трибуну совещания как исследователь всех и всяческих тридцатилетней давности ошибок и заблуждений критика В. Перцова, который выпустил книгу с иными взглядами на проблемы раннего творчества Маяковского, чем взгляды А. Колоскова.

Не разобрав и не оспаривая книгу В. Перцова по существу, А. Колосков выступил с утверждениями, имевшими единственную цель: не опровергнуть взгляды В. Перцова, а попытаться политически скомпрометировать его, положить ему ноги на первый же шаг его исследования о Маяковском, чтобы ему не понало было писать вторую.

Таков был смысл выступления А. Колоскова. Такова вредная тенденция, свойственная всем групповикам, неизменно стремящимся растоптать любую книгу, являющуюся покушением на их «монополию» в той или иной сфере.

О выступлении на совещании С. Трегуба прежде всего следует сказать, что он, вопреки своим претensions считаться исследователем творчества Маяковского, на деле таковым не являлся. В его книге «Жизнь с жизнью» есть всего одна статья «Исторический памятник Ленину», которую можно рассматривать как попытку исследования. Однако попытка эта хотя и выигрывает на фоне таких статей С. Трегуба, как «Школа Маяковского», но не отличается от новизны привлеченного материала, ни глубиной исследования поэтики Маяковского. Не следует зачеркивать всего, что написано в этой книге С. Трегуба, в ряде мест ее, посвященных конкретным явлениям советской поэзии, есть верные суждения и оценки. Но в целом эта книга есть проявление той, уподобившей в сторону от существа дела, литературной шумихи, которой занимается С. Трегуб вокруг имени Маяковского уже многие годы.

Эта шумиха на совещании в Союзе писателей прибрала в устах С. Трегуба характер нечистоплотного жонглирования терминами в целях политической дискредитации своих литературных противников.

Прозвучавшие с трибуны совещания в Союзе писателей истерические попытки С. Трегуба обвинять всех налево и направо в небрежности к недобросовестности к Маяковскому есть не что иное, как стремление, во вред полнотной традиции Маяковского, отторгнуть от Маяковского чуть ли не всю советскую поэзию и саморекламу по вытеснить на первый план собственную, исключительную трегубовскую «любовь» к Маяковскому. Такую «любовь» к Маяковскому, оборотной стороной которой является недобросовестность почти ко

всей советской поэзии, нельзя назвать плачем, как любовью в кавычках.

Неоднократные попытки С. Трегуба, при помощи разговоров о необходимости буквального следования за формой Маяковского, заниматься прямым или замаскированным опровержением ряда крупнейших, несомненно вошедших в сознание нашего народа явлений советской поэзии носят провокационный характер и преследуют цель изобразить двадцать три года существования советской поэзии после смерти Маяковского года бедности и отсталости. Разумеется, в нашей поэзии было и есть много недостатков, мы должны, — и к этому обязывает нас пример Маяковского, — работать несправно лучше, чем работать сейчас, но изображать двадцать три года советской поэзии, как это пытается сделать С. Трегуб, годами бедности — никому не позволено, ибо это ложь!

Никто не ставит под сомнение дарования Николая Асеева, Семёна Кирсанова или Михаила Луконина, но когда С. Трегуб в своей книге «Жизнь с жизнью» пытается изобразить, что эти три поэта плюс Г. Горюнов и есть чуть ли не все подлинное освоение традиций Маяковского, то русская советская поэзия, сделанная в эти три имени плюс Горюнов, выглядит действительно бедной, а традиция Маяковского — веесонной!

Никто не ставил больше помех широкому освоению традиций Маяковского советской поэзией, чем сектанты и начеки тина С. Трегуба, чья критическая работа на практике в большинстве случаев сводилась к попыткам раздвинуть, растащить надув поэзию и должна быть ясно и четко охарактеризована, как явление политически вредное.

Упомянув о попытках протащить на трибуну совещания в Союзе писателей групповые взгляды, следует остановиться на одном существенном моменте, в разном форме прозвучавшем и в речи С. Трегуба и в речи Семёна Кирсанова, которого в последние годы отсталости неслучайно было бы ставить на одну доску с С. Трегубом, но который в данном случае подвергся вредительской попытке С. Трегуба столкнуть двумя разными поколениями литературоведов и критиков.

С. Трегуб, а вслед за ним и Семен Кирсанов допущены на совещании демагогические реверансы в сторону молодежи, заигрывания с ней, намекая на то, что старое и среднее поколения литературоведов не годятся, но, дескать, скоро придет новое, молодые люди с чистыми руками, которыми и можно будет прикасаться к Маяковскому.

Сомнений нет: прихотят и будут прихотят молодые люди и будут заниматься творчеством Маяковского, и будут делать это честно и чистыми руками, рядом со многими людьми, которые честно и чистыми руками занимаются творчеством Маяковского сейчас.

Это несомненно, но это будет выглядеть не так, как очевидно, представляется С. Трегубу. Не групповой борьбой будут заниматься эти молодые люди и не групповики, пытающиеся монополизировать изучение Маяковского, понимают они собой, а понимают фронт советского маяковедения, который будет и дальше расширяться, вопреки всем усилиям подобных С. Трегубу людей, зараженных болезнью групповщины.

Демагогические заигрывания с молодежью, лживые предостережения пригласить ее в «истинные суды» с тем, чтобы потом, воспользовавшись ее неопытностью, попытаться прибрать ее к рукам в своих групповых интересах, — прием не новый, и следует прямо напомнить, что хорошие примеры подобного заигрывания с молодежью, как ни ройся в памяти, не привнесены!

Наглядный пример того дурного влияния, которое на отдельных представителей литературной молодежи могут иметь подобные демагогические заигрывания: «прити и рассудить», прозвучав на совещании в путаной речи молодого критика В. Огнева. В. Огнев, высказав несколько не лишнего интереса соображений по существу обсуждаемого вопроса, скатился затем на позиции групповой перепалки и позволил себе ничем не оправданные и грубо оскорбительные выпады против авторов книг, с концепциями которых он был не согласен.

Еще вредней влияние правых групповщины сказалось на выступлении молодого критика В. Котова. В его речи на совещании, наряду с верными замечаниями о серьезных недостатках нашей поэзии, прозвучала столь злая демагогическая приемы, что, судя по ним, он, несмотря на свою молодость, уже прошел первую закалку групповой борьбы. Прикрываясь демагогией, он стремился опорочить патристическую работу целого ряда советских поэтов и огульно отказать им в сасовании традициям Маяковского.

Говоря о промахнах групповщины на совещании в Союзе писателей, следует упомянуть и выступление В. Катаяна. Выказав целый ряд хотя и одиозных, но по многим частностям верных замечаний о книге В. Перцова, В. Катаяна не удержался на принципиальных позициях деловой критики и закончил свою речь обвинениями, носившими явно выраженный и недопустимый характер сведения литературных счетов.

Совещание в Союзе писателей вскрыло те серьезные элементы групповщины, которые мешают объективному и широкому, всестороннему изучению творчества Маяковского.

Совещание показало, что литературная общественность вправе не потерпит подобных попыток (откуда бы они ни исходили) подорвать объективное и групповой возней, попыток монополизировать изучение творчества Маяковского в одних руках.

Пора покончить с демагогическими одиночными и групповыми волями о своей исключительной любви к Маяковскому и с огульными подорожениями и обобщениями обвинениями всех остальных в непонимании, неуважении, нежелании к Маяковскому. Пора покончить с этой вредной для дела демагогией. Тем из повинных в групповизме литераторам, которые делают для себя верные выводы из критики, честно признают свои ошибки и отдадут свои силы общему делу, для этого открыты все возможности. А тем, кто и теперь не делает для себя никаких выводов, полезно будет напомнить суровые слова Маяковского, сказанные в 1928 году:

«При приращении писателя к литературной группировке он становится работником не Советского Союза и социалистического строительства, а становится интриганом своей собственной группы».

Нам необходимо обеспечить научное, глубоко партийное по своему духу изучение творчества Маяковского, пресекать всякие попытки антиисторического подхода, всякие попытки извратить или ухудшить что-либо в его творческом пути, который принадлежит истории и народу и в изучении которого не может быть допущено никакого политиканства, никакого и ничьего жуговского произвола.

Нынешнее состояние маяковедения, как это показало обсуждение в Союзе писателей, характеризуется невысоким идейно-теоретическим и профессиональным уровнем целого ряда работ, разобщенностью усилий, отсутствием единого направляющего центра.

Для того, чтобы добиться в дальнейшем решительного поворота к лучшему и обес-

печатить пирожков фронт работы, надо, прежде всего, чтобы один из важнейших вопросов советского литературоведения — вопрос изучения Маяковского систематически находился в поле зрения Союза писателей и его комиссии по теории литературы и критике.

Необходимо, далее, чтобы Институт мировой литературы нашей великой страны наряду с изучением Маяковского, подобно тому, как эти формы уже найдены для объединения людей, работающих над изучением Горького, и при этом привлекал в работу талантливых молодых, занимающихся творчеством Маяковского.

Признав недавно законченное изданием полное собрание сочинений В. Маяковского неудовлетворительным с точки зрения терминологии и избыточным серьезными идейными ошибками в части комментариев, нужно в течение ближайших двух, максимум трех лет выпустить новое полное научное собрание сочинений Маяковского, которое в равной мере необходимо и читателям и исследователям. Институт мировой литературы имени Горького обязан заняться этим делом с академическим тщанием, но без академических темпов.

Давно уже необходимо упорядочить дело хранения, изучения и публикации материалов Маяковского и материалов, касающихся Маяковского, подобно тому, как это упорядочено в отношении архива Горького.

Нашим издательствам, от времени до времени выпускающим работы о Маяковском, следует с ленивых позиций плановка перейти на активные позиции планирования с привлечением к работе широкого круга исследователей Маяковского в Москве и на периферии.

Литературно-художественным журналам и «Литературной газете» следует растаться с обыкновенным воспоминанием о Маяковском в аллее и забывать в мае и предоставить свои страницы для регулярного помещения наиболее интересных статей и отдельных глав из новых исследований о Маяковском, для систематического рецензирования всех выходящих работ о Маяковском.

Наконец, учитывая всю общенародную важность работы широких слоев нашей культуры над изучением творчества лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи, как уже было сказано выше, необходимо раз и навсегда покончить с давно внедрившимся в это большое дело и мешающей работе беспринципной групповщины.

О ПРАВДЕ ЖИЗНИ

СТАЛИНГРАД. Книжный магазин на улице Мира.

Фото А. АНДРЕЕВА

Выставка, посвященная советской литературе

В Государственном литературном музее (Москва) в ближайшее время откроется большая выставка, посвященная русской советской художественной литературе. Заместитель директора Гослитмузея А. Мопсеев в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» рассказал:

— Выставка, над которой коллектив музея работал несколько лет, должна дать представление об основных этапах развития русской советской художественной литературы, начиная с первых лет существования нашего социалистического государства и до начала Великой Отечественной войны. Экспозиция построена по принципам хронологического показа развития литературы в целом и творчества каждого писателя.

Выставка открывается разделом, который посетители в атмосферу Октябрьских дней. Здесь представлены политические документы начала революции, исторические документы по идеологическим вопросам — работа В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», опубликованная в 1905 году, резолюция ЦК РКП(б) о литературе и другие материалы, свидетельствующие о неустанной заботе и внимании партии и правительства к советской культуре.

Большое место на выставке уделяется имеющим огромное значение для развития советской литературы трудам И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», «Марксизм и вопросы языкознания», а также материалам XIX съезда партии.

Естественно, что на выставке широко будут показаны творчество и деятельность М. Горького и В. Маяковского. Множество экспонатов расскажет о дружбе В. П. Ленина и И. В. Сталина с Горьким, об общественно-политической и публицистической деятельности великого писателя. В одной из витрин посетители найдут редкую фотографию: Горький организует эвакуацию художественных фондов из Петрограда в 1919 году.

Редкими изданиями книги, многочисленными рисунками в «Огоньке РОСТА», фотографии представлены неутомимая общественная и творческая работа Маяковского. Ряд материалов иллюстрирует дружбу его с Горьким. В частности, два соседствующих экспоната: фотографии титульного листа «Облака в штанах» с дарственной надписью «Алексей Максимович с любовью Вл. Маяковский» и титульного листа книги «Детство» с дарственной надписью: «Без слов, от души, Владимиру Владимировичу Маяковскому М. Горький».

Переходя из зала в зал, посетители смогут проследить, как с годами росла и крепла самая передовая литература в мире, как расширялся круг советских писателей, отражавших в своих произведениях важнейшие периоды развития советского государства.

В ближайшее время выставка будет открыта для широкого обозрения, — заключает А. Мопсеев. — Но мы не считаем свою работу завершенной, нам предстоит еще показать литературу периода Великой Отечественной войны и послевоенных лет.

Новые книги

Гуляшкин А. МТ. станция. Роман. Перевод с болгарского М. Кабанчикова и Т. Русской. Издательство иностранной литературы. 287 стр. Цена 8 руб. 95 коп.

Гуруцкий Л. Мир вам, люди! Рассказы и очерки. Ереван. Айпетрат. 264 стр. Цена 4 руб. 10 коп.

Котляева А. Фарт. Роман. «Советский писатель». 306 стр. Цена 5 руб. 35 коп.

Кремская И. Д. Н. Мамин-Сибиряк как детский писатель. Свердловское областное государственное издательство. 84 стр. Цена 1 руб. 80 коп.

Кубка Ф. Маленькие рассказы для молодежи. Перевод с чешского. Издательство иностранной литературы. 72 стр. Цена 1 руб. 65 коп.

Рагим М. На ашшеронской земле. (Стихи). Авторизованный перевод с азербайджанского В. Потаповой. Баку. Азерспец. 52 стр. Цена 1 руб. 35 коп.

Русские песни. Составил И. Розанов. Гослитиздат. 404 стр. Цена 6 руб. 25 коп.

Сельмах М. Над Черемшом. Гудульские мотивы. Авторизованный перевод с украинского И. Лоры. Киев. «Радянський письменник». 336 стр. Цена 5 руб.

Тесс Т. Под нашим небом. (Очерки и рассказы). Издательство «Искусство». 290 стр. Цена 4 руб. 90 коп.

Фалькс К. Мамта Юна. (Роман). Перевод с испанского Б. Загорского. Издательство иностранной литературы. 192 стр. Цена 6 руб. 15 коп.

Федотов Г. Приметы времени. Сборник рассказов. Пензенское областное издательство. 68 стр. Цена 2 руб. 25 коп.

Фролов И. Стихи. Новосибирское областное государственное издательство. 72 стр. Цена 2 руб. 40 коп.

Хадкевич Т. Это в горах. Повесть. Авторизованный перевод с белорусского П. Кобзаревского. «Советский писатель». 284 стр. Цена 3 руб. 40 коп.

Евгения Ивановна Ковальчик

После тяжелой и продолжительной болезни скончалась Евгения Ивановна Ковальчик, член Союза советских писателей, видный советский критик, заместитель редактора «Литературной газеты» по разделу литературы и искусства.

Е. И. Ковальчик родилась в 1907 году. Окончив в 1929 году литературно-лингвистическое отделение Московского государственного университета, Е. И. Ковальчик в течение ряда лет была педагогической, редакторской и научной работой.

В начале Великой Отечественной войны Е. И. Ковальчик работала ответственным секретарем и членом редколлегии журнала «Красная новь», затем заместителем редактора газеты «Литература и искусство», заведующим отделом литературы и искусства газеты «Искусство».

В течение ряда лет Евгения Ивановна Ковальчик возглавляла комиссию по критике Союза советских писателей СССР. С 1946 года она заведовала кафедрой советской литературы на филологическом факультете Московского государственного университета имени Ломоносова.

Е. И. Ковальчик подготовила несколько выпусков молодых специалистов в области изучения и преподавания советской литературы, внимательно и заботливо руководила работой аспирантов, пользовавшихся любовью и уважением своих учеников.

С 1951 года Е. И. Ковальчик свою деятельность в университете совмещала с работой в «Литературной газете». В 1940 году тов. Ковальчик вступила в Коммунистическую партию Советского Союза. Она была преданным и стойким коммунистом, отдавшим все свои силы тому делу, которое ей поручала партия.

Почти Евгения Ивановна Ковальчик принадлежала к ряду литературно-критических работ, отличающихся высокой принципиальностью, научной глубиной и горячей любовью к литературе, изучению и пропаганде которой она посвятила всю свою жизнь, полную неутомимого труда.

Евгения Ивановна была человеком большой души, чутким и отзывчивым товарищем. Как редактор и критик Е. И. Ковальчик оставила многим советским писателям их творчество. Светлая память о ней будет всегда жить в наших сердцах.

А. Фалеев, А. Сурков, К. Симонян, А. Софонов, Н. Тихонов, А. Корнейчук, К. Федин, Г. Памфиров, Л. Любимов, В. Кожискин, Н. Григорьев, А. Тавролович, Б. Горбатов, Б. Рюриков, Н. Атаров, И. Анисимов, А. Анастасенко, Б. Агапов, А. Крыжаник, В. Косолапов, В. Коростев, Б. Лавренко, В. Ермилов, Н. Погосин, Г. Владыкин, Е. Кирилов, А. Караваев, Г. Гуляев, А. Егоров, В. Смирнов, М. Шагинян, З. Кедрина, В. Озеров, Н. Гуляев, А. Метченко, С. Егенов, К. Зелинский, В. Полторацкий, С. Преображенский, Б. Брайнина, Н. Лесючиский, Н. Глаголен, С. Гайдаров, Б. Михайловский, Е. Любарев, Н. Соколова, Л. Тимофеев, М. Прилепин, В. Перцов, А. Бочаров, А. Котов, В. Карпова, Л. Поляк, А. Пешков.

Правление Союза советских писателей СССР с глубоким прискорбием извещает о смерти критика-литературоведа, члена ССП

Евгения Ивановна Ковальчик и выражает соболезнование семье покойной.

Гражданская панихида — 3 февраля в 12 часов дня в конференц-зале Союза советских писателей, кремлянин в 2 часа дня.

Редакционная коллегия, партийное бюро и местный комитет «Литературной газеты» с глубоким прискорбием извещают о смерти заместителя редактора раздела литературы и искусства

Евгения Ивановна Ковальчик и выражают соболезнование семье покойной.

«Деятельность чиновников от критики, плодом которой явилась вредоносная «теория бесконфликтности», есть, по сути дела, не что иное, как головоуломный перегиб. Борьбу против бездельности, космополитизма и злобной клеветы на жизнь советских людей в литературе некоторые горе-критики провозгласили подменой «борьбой» против основного принципа социалистического реализма — верности правде жизни.

Громкие фразы чиновников от критики, не встречавшей должного отпора, заставляли писателей, в особенности литературную молодежь, в какой-то степени считаться с ними. Эти фразы дезориентировали писателей, заставляли их отказываться от изображения действительных жизненных конфликтов и втискивать свои произведения в узкие рамки. Нескоренно ханжеской критикой — отнюдь не легкое дело, тем более, что носители ее вовсе не отличаются большой принципиальностью и всегда будут готовы отказаться от своих положений на словах, с тем, чтобы в той или иной форме продолжать проводить их на деле... Решения этой задачи можно добиться, как мне кажется, только путем привлечения писательской и читательской общественности».

«Это — выдержка из письма читателя «Литературной газеты» И. Бестужева (Москва).

Редкая книга много писем о литературе. Она написана по-разному, разными людьми, о разных вещах. Но почти всем письмам присуща одна общая черта: читатели хотят увидеть в книге подлинную правду жизни, не терпят искусственности, лжи, ханжества. Именно с этой точки зрения оценивают они литературу.

«Мне вспоминаются слова М. Горького, — пишет М. Бабун (Новочеркасск): «Я очень люблю людей и не хотел бы никого мучить, но нельзя быть сентиментальным и нельзя скрывать грозную правду в пестрых словесах красноречивой лжи». Только ханжество некоторых критиков, трусость и неуверенность в своих силах некоторых поэтов и писателей вызывают на свет произведения, в которых все окрашено в розовый цвет. Такие книги рожают убеждение, что в нашей жизни уже не нужно борьбы, все прекрасно, больше делать нечего.

Прогресс без любви и ненависти, без дерзаний и неудач, без желаний и лишений, без ошибок и страданий, без жестокой борьбы нового со старым, — невозможен. Кто посмеет утверждать, что в нашем обществе нет людей, сознание которых отражено переживаниями прошлого, и что эти люди не являются типичными? Разве нет у нас бюрократов, нет обывателей? Разве нет у нас клановиков, латынчиков, подхалимов, беспринципных и продажных душонок, которые так и вылетают по ветру — откуда их подует сегодня? Разве нет очковидателей, бездельников, пьяниц, развратников? Разве не встречаются у нас бездельники, живущие, как бурьян, оторванные от советской действительности, проникнутые духом мещанского духа, хотя часто они являются жеманами передовых людей? Нужна очень большая сила, чтобы их перепосадить, ибо закоренелая мещанская психология крепко борется за свое эгоистическое «я», становится на дыбы, старается победить, и в условиях некоторых семей побеждает. Разве это не жизненно, не типично!

Все эти болячки на здоровом теле нашего общества нужно ликвидировать. И очень большую роль здесь играет наша художественная литература».

А. Комиссаров (Алматинская область) пишет в своем письме:

«Говоря об изучении творчества Маяковского, нельзя одновременно, хотя бы кратко, не коснуться вопроса о продолжении и развитии традиций Маяковского в нашей современной поэзии.

Об этом лучше всего сказал сам Маяковский:

«... все, что я сделал, все это ваше — рифмы, темы, дикция, бас!»

Мы, советские поэты, обязаны спросить себя, в какой мере действительно сейчас все это наше, то, о чем Маяковский сказал, — «все это ваше».

Насколько хорошо мы пользуемся этим наследством, если понимать наследство, как живую традицию? А только так его можно и должно понимать.

Прежде чем ответить на этот вопрос, давайте еще раз кратко вспомним, что сделал Маяковский.

Маяковский еще юнойшей поднял голос против капиталистического строя, против империалистической войны.

Маяковский между Февральской и Октябрьской революциями задумал, а в 1918 году закончил первую революционную песню «Мистерия-Буфф», в которой героическая мечта об обетованной земле коммунизма сочеталась с беспощадной сатирой на буржуазное общество.

Маяковский в 1924 году написал замечательную лиро-эпическую поэму о Ленине.

Маяковский в 1927 году написал поэму — гимн первому десятилетю Советской власти с таким заглавием в будущее, которого хватало на десятилетия.

Маяковский поехал в Соединенные Штаты Америки и беспощадно в стихах и в прозе разоблачил всю мерзость и низость капиталистического строя Америки.

Маяковский в десятках гневных сатирических стихов год за годом, не устанув, напоминал о том, что классовая борьба продолжается, что рудименты капитализма существуют, что в нашей среде еще есть дурные, фальшивые, враждебные люди, с которыми надо бороться засучив рукава.

Маяковский неустанно бичевал в искусстве всякие попытки сесть и отдохнуть у тихой реки и любоваться на мирный небосвод.

Наконец, Маяковский на протяжении многих лет в удивительных по силе стихах писал о любви — большой, верной, бескомпромиссной, хотел только такой любви,

«Не нужно забывать, что между отрицательными и положительными образами может быть масса промежуточных образов, героев, характер которых находится в процессе становления, в борьбе этих двух начал. Положительные образы должны быть правдивы. А в книге положительных героев иногда так возмущается писателем, что оказывается неправдоподобным».

Е. Ершова (Челябинск) пишет: «Всегда ли виноваты читатель и критик в одиозном и схематическом понимании прочитанного? Почему, прочитав книгу, где все как будто и верно, все-таки думаешь: «А ведь в жизни так не бывает». Но случается, что автор изображает то, чего в жизни может и не быть или бывает очень редко, но делает это так талантливо, правдиво и убедительно, что читатель верит ему, не требуя никаких подтверждений.

Воспоминания В. Каверина «Два капитана». История гибели полярной экспедиции описана так хорошо, что многие читатели и по сей день считают капитана Таратинуа лицом историческим, а не художественным вымыслом автора. Саян Григорьев, Катя, Романов, Николай Антонович, Бородавкин на минуту не вызывают в читателе сомнения в возможности их реального существования.

В искреннем и взволнованном письме П. Петрова (Москва) говорится об изображении молодежи в литературе, о воспитательных проблемах, которые возникают в связи с этим.

«Современная литература нередко опьяняет молодежь отнюдь хорошей, «попсовой сахаром», сладкой до приторности. Но ведь это не так. Наряду с прекрасной, благородной молодежью, наделенной высокими моральными качествами, встречаются и такие молодые люди, цель которых — хорошо пожить за счет других, за счет общества.

Мы, родители, часто порицаем детей, чрезмерно их балуем. Из ребенка вырастает эгоист. Наконец, он начинает зарабатывать сам, но продолжает жить за счет родителей, а свой заработок тратит на свои удовольствия. Неужели писатели не видят подобных явлений? Нет, они видят, но считают, что лучше писать о «сахарной» молодежи, чем об отдельных испорченных молодых людях. Такие книги успокаивают нас, убеждают, что все хорошо, а книги должны волновать, заставлять бороться с пережитками. Товарищи писатели! Я знаю, что трудно написать хорошие произведения, чтобы они волновали, чтобы они всецело захватывали, но нам, читателям, очень нужны такие книги! Ведь они помогают жить и бороться!»

А. Мелешко (Свердловский флот) говорит в своем письме о том, что, к сожалению, в произведениях литературы, вышедших за последние годы, редко можно встретить яркий и убедительно написанный характер отрицательного героя. А если и пробует показать одного из таких людей писатель, поэт или драматург, то этот герой, как правило, быстро испаряется, стоит только побеседовать с ним, поругать на комсомольской или партийной собрания или же слегка указать ему. Это явная неправда. В жизни бывает гораздо сложнее. Не редко писатели искусственно сглаживают конфликты. В качестве примера А. Мелешко приводит роман И. Напона «Стратево желание». В этой, по его мнению, неплохой книге очень слабо показаны жизненные конфликты. Неделю, наверное, было герою книги Дронову стать переключком производств, но в романе все у Дронова идет, как по маслу. Почти никаких трудностей не возникает на его пути.

Читатель М. Мастеров (Москва) разбирает рассказ И. Васильева «Трудности», напе-

чатанный в журнале «Огонек» (№ 29, 1952 г.). «Герой рассказа Ваня собирается вступить в комсомол. Ваня получает один пятерик, он самый лучший званцевой в пионерской дружке, сам чистит и гладит свой костюм. Он быстро осознает все свои ошибки и довольно легко преодолевает трудности. Отец Вани — начальник цеха, хороший производственник, его хвалят в газетах. Он много работает, заботится о подчиненных, правильно реагирует на критику. Мать Вани — также очень сознательная женщина. Прокатчик Дзедубов, работающий в цехе, возглавляемом ваниным отцом, такой скромный, что стесняется подать заявление в завком о путевке. Хотя страдает язвой желудка.

События в рассказе развиваются ровно, гладко. У читателя не возникает желания узнать, что будет дальше. Ясно, что все будет благополучно, а сын безупречного начальника Ваня наверняка окажется достойным быть принятым в комсомол. Такой рассказ не заинтересовывает, не увлекает, а следовательно, не имеет почти никакого воспитательного значения».

Зато как благодарны бывают читатели, когда находят в книге образы достоверные, жизненно правдивые, увиденные писателем в действительности.

Об этом пишет А. Цуканова (Моньяно, Московской области), делая своим впечатлением о романе А. Фалеева «Молодая гвардия». «Образы Олега Кошевого, Ульяны Громовой, Сергея Тюленина, Любы Шевцовой живут в наших сердцах, будут все хорошее и честное, что есть в человеке. Отвращение чувствует читатель к Виркиной и Подпильной, к их мещанскому приспособленчеству к любому строю, к любому обществу, к любому начальнику — лишь бы жить! Нет, «жить» это слово не для них — лишь бы существовать! Пренебрежение остается к Стаховичу, пренебрежение, смешанное с чувством досады: а ведь мог же ты быть совсем другим, не погубил бы дорогих нам людей. Мало знаешь тебя, много доверяю тебе! Мало сделал за тобой, мало «терла» в семье, в школе, в пионерском и комсомольском коллективе... И внимательнее смотри на родителей в глаза своим детям, внимательно присматривайтесь к классным руководителям к последнему ребяту...»

Хорошая книга — большой подарок читателям. Умная, простая, доходчивая критическая статья помогает этот подарок лучше разглядеть и оценить».

Но, как верно говорит А. Цуканова, критика недостаточно внимательно относится к запросам читателей, часто вынуждает из поля зрения то, что своей правдивостью и остротой привлекает внимание к книге. Много писала критика о романе А. Бондарева «Иван Иванович», подробно останавливаясь на конфликте романа, на характерах Ивана Ивановича, Ольги, Таларова. «Но вот супругов Пыхлиных», — пишет А. Цуканова, — критика сошла недостойным своего внимания. А между тем, мне кажется, очень хорошо схватили А. Бондарева суть Пам Романовича».

Далее А. Цуканова дает верную и острую характеристику Пыхлиных и им подобных. По мнению А. Цукановой, Пыхлины — представители настолько правдиво, что можно предполагать их дальнейшую судьбу. Пыхлины и сейчас живы-здоровы, живут в каком-нибудь большом городе. Пошлость, мещанство живучи и обладают колоссальной способностью приспособляться к любым условиям.

Литература не только отражает действительность, она призвана активно воздействовать на нее. Поэтому, когда из поля зрения литературы ускользают какие-то стороны жизни, — это не просто недостаток литературы, — но и ущерб, наносимый делу воспитания наших людей.

советской эпохи, то, значит, у нас в поэзии сейчас все благополучно.

Между тем это, конечно, не решение проблемы, а только метод ухода от критики, замалчивание ряда реальных слабостей нашей поэзии. Это напрасная массовая амнистия целому ряду наших поэтов, плохо и мало работавшим в последние время, не поставившим перед собой во весь рост задачи стать агитаторами и поэту оказавшимся комментаторами, не главарями, а обозначками нашей литературы.

Итак, обе постановки вопроса неверны. А что же верно?

А верно — и об этом нужно сказать со всей прямотой — то, что великая и боевая традиция лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи ныне в нашей поэзии осваивается еще не так, как это должно было бы делаться, меряя масштабы поэзии масштабами деяний нашего народа. При этом следование традициям Маяковского подменяется часто суесловием, которое не может заменить дела, то есть истинного и широкого следования традициям великого поэта. А что это значит? Это значит прежде всего делать свое поэтическое дело, как Маяковский, зная, види и претворяя в стихи то главное, что в тот или иной период жизни страны нужней всего, важнее всего партии и народу.

Вопрос о традициях — это вопрос не о том, написан «Владимир Ильич Ленин» или «Хорошо!» «десневой» или «десневой», а вопрос о том, что Маяковский создал поэмы о Ленине, о партии, о стране.

Тот, кто поставит себе подобный размах задачи и в меру своих сил постарается выполнить ее, «десневой» он напишет или не «десневой», будет следовать традициям Маяковского.

Маяковский написал поэму «Хорошо!», обобщив первое десятилетие существования советской власти. А недавно, в ноябре, исполнилось 35-я годовщина Великой Октябрьской революции, и, однако, никто из нас, поэтов, не попробовал оглядеться на историческую вышку поэтических средств, то, что произошло в нашей стране за 35 лет! А ведь такая попытка была бы как раз поистине творчески следовать традициям Маяковского.

Маяковский писал «Мистерия-Буфф», и «Про это», и «Ленный марш», и «Прозаседавшиеся», и пошел к плакатам РОСТА, и «Разговор с финишником» о поэзии, и «Лунный стих» — о том, что «Рабочий и войскаки Катюша пели Шанхай», и стихи о том, что член ЦКБ оказался коммунистом; он писал о вселении Ивана Козырева в новую квартиру, и о том, что «Маруся отравилась». Он грузил

на плечи своей поэзии весь груз жизни, которой жила страна и которой жила он — великий гражданин своей страны.

Как может любой поэт говорить о следовании традициям Маяковского, не стремясь в меру своих сил поставить перед собой хотя бы существенную часть тех задач, которые ставила перед собой поэзия Маяковский?

Когда он вступал в литературные споры, он никогда не обрушивался на то, что другие поэты не пишут «десневой».

Он волевал за то, чтобы другие поэты именно так, как он, смотрели на задачи поэзии, — вот что было для него главным!

Первое зачисление всех поэтов подряд, автоматически в последователи традиции Маяковского. Сказать, что тот или иной поэт плодотворно работает, продолжает традицию Маяковского, значит оказать ему высокую честь, которой не заслуживают те из нас, кто не ставит перед собой больших гражданских задач, какие ставил перед собой Маяковский.

Спрашивается, как можно, ратуя за подлинные традиции Маяковского и любя советскую поэзию, ставить вопрос так, как поставил его С. Трубецкой в своей статье «Школа Маяковского», в которой он из всей нашей поэзии военных лет в качестве чуждых не лучшего примера продолжения традиции Маяковского привел мало удачное стихотворение Николая Асеева, руководившего исключительно собраниями формального и вдобавок весьма сомнительного свойства. Этот пример наглядно показывает, что происходит, когда вопрос о традициях злонамеренно ставится с ног на голову. Николай Асеев имеет крупные заслуги перед советской поэзией, но неужто же он, — как раз в годы войны — не создавший ничего сколько-нибудь боевого, признанного народом, — неужели же именно он в данном случае должен был послужить С. Трубецкому примером продолжения традиции Маяковского в самую грозную годину жизни нашей страны? Неправда это! Там, где полагает С. Трубецкой, традиция Маяковского в ту годину и не носилась; она жила в суровой землянке, она была там, где смеялся пуля бонсе, смеялся стых не берет, она плавала через ледяную воду вместе с Василием Теркиным!

В годы Великой Отечественной войны наша поэзия немало поработала в лучших традициях Маяковского.

Не следует скандалить со счетов и многочисленные наши поэты и в русской поэзии и в поэзии братских народов после войны и вполне достойные традиции Маяковского.

Но сейчас наша задача, думаю, все же не в том, чтобы составлять список

поэтических успехов за последние десятилетия; о них в нашей критике уже говорилось достаточно. Думается, что после минувшего мало удачного, вялого поэтического года будет верней и плодотворней, оглянувшись и за этот год и за предыдущие годы, обратить внимание прежде всего на то, где мы не следовали традиции Маяковского, где у нас есть упущения, которые, трезво их признав, нам надо восполнять и наверстывать.

Для примера задумаемся над таким фактом. Партия несколько лет назад со всей остротой поставила перед деятелями культуры, в том числе и перед нами, литераторами, вопрос о борьбе с космополитизмом и с низкопоклонством перед буржуазной заграницей. Вся страна была возмущена фактами низкопоклонства перед Западом. Литераторы, в том числе и поэты, выступили со многими боевыми статьями и речами, но... стихов, в которых бы в поэтической форме были выражены народный гнев, народное презрение к низкопоклонникам, мы не написали. И когда нам нужно сейчас назвать стихи о борьбе с низкопоклонством, мы вынуждены опять и опять цитировать Маяковского, его стихи «Нашему юности», где идет речь о грузинской и татарской академиях, которые между собой «переписываются по-французски», или его же слова из стихов об Америке:

У советских собственная гордость: на буржуе смотрим свысока.

Прочитывая еще раз блестящие строки Маяковского, разумеется, всегда хорошо, не следует забывать, что это не может ни оправдать, ни заполнить пробел в нашем собственном «строчечном фронте».

Возьмем в качестве еще одного примера такое важное дело, как борьба с отрицательными явлениями нашей жизни, с дурными, фальшивыми людьми, с бюрократизмом, с подхалимами, с жуликами, с двурушниками, со всякого рода негодяями, которые еще не перестали, с разными мерзавцами, что, как говорил Маяковский, «хотят по нашей земле и вокруг».

Чем мы, поэты, можем здесь за последние время похвастаться, или, вернее, чем мы можем подтвердить, что плодотворно работаем и в этом смысле в традиции Маяковского? Разве что слабыми стихами, где мы по этому поводу то и дело цитируем стихи Маяковского то о бюрократе, то о подхалиме, то о ханзе.

Почему, спрашивается, пиер в поэзии традицию такой беспощадной, уничтожаю-

щей сатиры, какую нам оставил Маяковский, традицию, в свою очередь опирающуюся на великую традицию Некрасова, — мы громадное дело поэтической сатиры по существу целиком передовали очень узкому кругу далеко не самых сильных наших поэтов, причем в большинстве своем работающих скорей в жанре юмора, чем в жанре сатиры.

Почему мы привыкли к тому, что наши лучшие советские поэты годами не выступают на страницах газет и журналов с сатирическими произведениями?

Почему против кое-где еще гнездящегося у нас бескультурья, против таких еще бытующих у нас в разных углах темных пятен, как матерщина, грубость, хулиганство, выступают со статьей прозаик Федор Гладков и почему не выступают поэты со стихами, бичующими остатки этих позорных явлений? Почему поэты не следуют здесь традиции Маяковского?

Наконец, самый недавний пример — разоблачение группы врачей-шпионов, агентов сионистского «Джойнта», американской и английской разведки.

Нас всех это возмущает, мы все возмущены познание античеловеческой звериной деятельности этих убийц в белых халатах.

Но спрашивается: каким поэтом уже напечатаны в газетах стихи о разоблачении этих убийц? Почему наше омерзение, презрение, ненависть еще не выражены в гневных, бичующих врага и призывающих к бдительности стихах?

То, что таких стихов еще не появилось, означает недооценку многими нашими поэтами той непосредственной действительности, разноты поэтического слова, которую так хорошо знал и которой так мастерски пользовался Маяковский.

Достаточно привести все эти факты, чтобы сказать: нет, не пристало нам услаждаться собой тем, что все мы уже успешно и в должной мере следуем традициям Маяковского. Перед нами еще непотопленный край дел, которые мы, следуя этим традициям, обязаны дополнительно нагрузить на плечи поэтов.

Мы часто повторяем строки Маяковского: чтоб больше поэтов хороших и разных.

Но, повторяя, мы до конца не возмужаем в эти слова — хороших и разных. (Окончание на 4-й стр.)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 15 3 февраля 3

МНЕНИЕ НОРВЕЖЦА

Норвегия — маленькая страна. Но среди деятелей культуры и искусства — мужчин и женщин — у нас имеется немало крупных писателей, художников, композиторов, которые борются за социальную справедливость, за свободу и мир повсюду, не только в своем творчестве, но и в своей жизни. Вечным примером служат для них подвиг норвежского писателя-коммуниста Нурдаль Гринга, павшего в борьбе с гитлеровскими фашистами. Когда патристический мир самодетельным, был обит под Берлином, Гринг передал в эфир свои последние слова: «После окончания войны неустойчиво бороться за мир, потому что в дни, когда вы не боретесь за мир, вы помогаете войне».

Мне вспоминается период напряженной подготовки к Конгрессу народов. В те дни передо мной было услышать вопрос, обращенный к нашим крупнейшим деятелям культуры: «Подпишете ли вы приветствие Венскому Конгрессу народов? В нем будет написано, что Комитет защиты мира деятелей культуры в Осло желает дальнейших успехов величайшему делу человечества, ибо они считают мир жизненно необходимым условием своей работы».

Я не могу назвать всех, к кому обращались с таким вопросом, — их было много. Но из числа крупнейших деятелей культуры я не знаю ни одного человека, кто бы ответил: «Нет, мне это неудобно. Я не решаюсь».

Враждебные делу мира реакционные газеты и радио «попабланились», чтобы как можно меньше простых норвежцев узнали, что сто видных деятелей культуры, среди которых некоторые вовсе не являются активными борцами за мир, решительно ответили: «Да, я подписываю». И хотя в сегодняшней Норвегии это совсем не легкое дело поставить свою подпись под документом, зовущим к миру, их имена все же украсили приветствие Венскому Конгрессу народов в защиту мира. Среди этих имен много новых, которые, скажем, год назад невозможно было увидеть под подобным приветствием.

А какой из всего этого следует вывод? Распрились брешь, пробитая сторонниками мира в стене лжи и клеветы, которой окружают их намерения и действия реакционная печать. Больше стало тех, кто осмелывается пренебречь угрозой потери общественного положения, невзирая на преследования, принимающие различные формы. И это в то время, когда из Вашингтона сообщают, что правящие круги США разработали специальную программу борьбы против движения в защиту мира. Речь идет о дальнейшем нажиме на зависимые от

Альф Би КРИСТИАНСЕН,
норвежский журналист

американцев правительств Западной Европы и усиления преследований борцов за мир.

Разумеется, достигнутые нами успехи не могли быть столь значительными, если бы норвежские борцы за мир, вдохновляемые широким размахом движения в защиту мира в других странах, не проявляли упорной работы. В результате нашего растущего сочувствия норвежских рабочих борьбе в защиту мира. В свою очередь деятели культуры и искусства все сильнее ощущают личную ответственность за глобальный для страны политический курс, взятый правительством и угрожающий самому существованию Норвегии. Эти успехи не были бы столь значительными, если бы американские империалисты не показали перед всем миром свое тугоухое лицо, которое нельзя замаскировать никакой «атлантической» пропагандой.

Наличие говорит, что ход Венского Конгресса до неузнаваемости искажался на страницах реакционной норвежской печати вообще, в газетах и журналах правых социал-демократов в особенности. Что же касается принятых в Вене решений, то, если бы это зависело от продажной печати, которая все больше перестраивается на американский лад, до простых норвежцев они так и не дошли бы. Но, слава богу, в Норвегии многие читатели и слушатели уже не верят реакционным газетам и радио.

Недоверие к лживой американизированной пропаганде с каждым месяцем усиливается. И хотя норвежский рабочий находится под сильным влиянием правой социал-демократии, все же, следя за превращением своей прекрасной родины в восточную американцев, он сокрушенно качает головой и недоумевает: ведь по воле своих правителей народ Норвегии стал официальным союзником палачей, ведущих войну в Корее, Малайе и Вьетнаме.

Поэтому каждое новое выступление борцов за мир пробуждает от безразличия все большее число норвежцев. Многие из норвежских рабочих оживленно обсуждают решения Конгресса, собиравшегося во Вроцлаве? Но очень многие. Но кто из них остался равнодушным к итогам Варшавского Конгресса? И, наконец, кто из них не слушает сегодня со все возрастающим интересом и со все уменьшающимся недоверием рассказы о том, что происходило на Конгрессе народов в Вене?

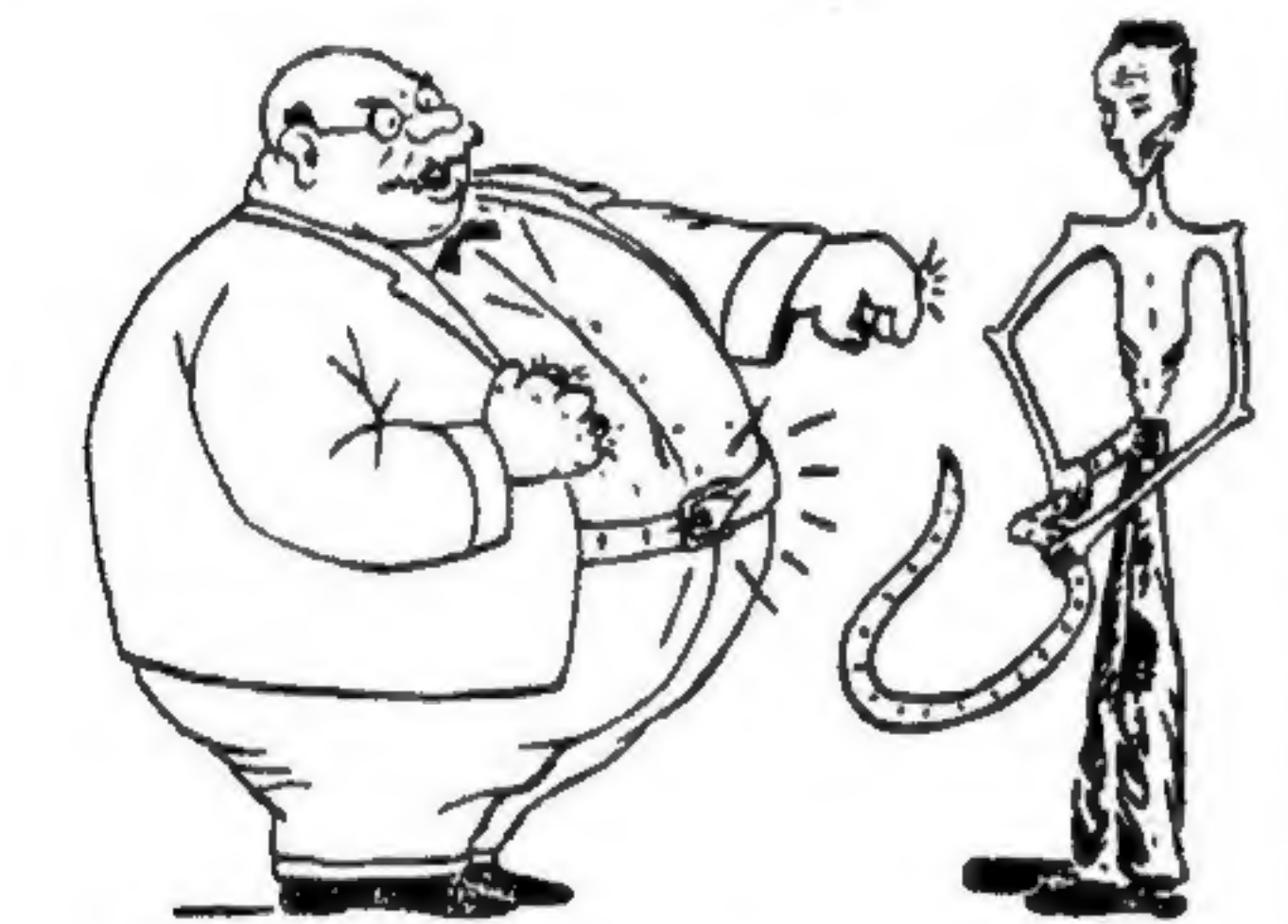
В кругах, заправляющих пропагандистским аппаратом нашей страны, решено было окружить гробовым молчанием решения Венского Конгресса. Но оказалось, что такое событие долго замалчивать нельзя. Грубые попытки замалчивания вызывают протест как со стороны деятелей культуры, так и со стороны остального населения страны, которое проявляет живой интерес к проблемам войны и мира.

Норвежские делегаты Конгресса в своих статьях и устных выступлениях на массовых митингах и собраниях добиваются, чтобы истина стала известна каждому, а решения, принятые в Вене, дошли до всех простых людей. Норвежские делегаты избрали своим руководителем Гангара Форбека — члена лагера собора в Осло. Известный борец за мир и представитель норвежского духовенства, он твердо верит в то, что «Конгресс народов в Вене будет иметь огромное значение для защиты дела мира».

Эти слова Форбека сказал мне по возвращении на родину. Время покажет, что он прав.

ОСЛО, январь

НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕМЫ

ПРОМЫШЛЕННИК (рабочему): — Мы оба дошли до «последней заставки», ведь верно? На что же ты жалующийся?..
Рисунок Эльды Пенноки из журнала «Лавор»

Об основных проблемах изучения творчества В. В. Маяковского

(Окончание. Начало на 2—3 стр.)

Да, это значит разных по художественным индивидуальностям, разных по поэтическим приемам, но это не значит разных по отношению к делу, то есть к тому, что такое поэзия в жизни поэта. Нет, тут Маяковский был против различия. Он был за одинаковых в своем отношении к делу, в отношении погрузить все трудности и все радости, все волнения и все противоречия жизни на плечи поэзии, все выразить все — «о времени и о себе».

Не механическая, а подлинная творческая работа у Маяковского, уже многим обогащая нашу поэзию, может обогатить ее еще больше.

Противопоставляя творческую работу механической, задаваясь в связи с этим лишь над одним показательным примером. Что значит, вспоминаю, скажем, об «Окнах РОСТА» эпохи гражданской войны, творчески, а не механически следовать традициям Маяковского?

Несколько наших товарищей с самыми хорошими намерениями сошли, что вспомнить «Окна РОСТА» и наилучшим образом продолжить традицию Маяковского в дни Великой Отечественной войны, ознакомились с его творчеством, и, к сожалению, по своему образцу и подобию «Окна РОСТА» — «Окна ТАСС».

Можно ли это назвать творческим продолжением традиций Маяковского? Вряд ли! Думаю, что не этим творчеством Маяковский не «Окна ТАСС» делал бы он во время Великой Отечественной войны, будь он жив. Нет! В воле усталости и оружие его было бы больше, более массовым, более мощным, под стать во много крат возросшей мощи страны. Его голос гремел бы каждое утро и каждый вечер на весь Советский Союз по радио. Вот где говорил бы Маяковский с народом. Вот о чем он мечтал еще при жизни. Говорил бы стихами. Говорил бы на всю страну. Говорил бы сегодня о том, что произошло вчера, и заглядывал бы в завтра.

Как не подумать о радио, об огромных возможностях работы поэта на радио, думая о традициях Маяковского?

У нас есть все основания, говоря о творческом продолжении традиций Маяковского, вспомнить и о газете, и о том, что несправедливо скромном месте, которое занимает у нас сейчас в газете поэзия. Мы сейчас в большинстве случаев печатаем стихи в газетах в качестве украшения, дополнения, чаще всего праздничного, к статьям и выступлениям. Если говорить о традициях Маяковского, то стихи в газетах должны выглядеть не так. Стихи Маяковского не были украшением в статьях, они заменяли статьи, они не комментировали выступления, они были сами выступлениями на важнейшие общественные темы. Поэтому и вправе был сказать о себе Маяковский:

Я хочу,
чтоб в дебатах
потел Госплан,
мне давая
задания на год.

Маяковский почти с самого начала своего поэтического творчества пошел по пути человека, в поле зрения которого попадал целый мир, человека, разговаривающего с собеседником, со страной, с человечеством, с миром, с вещами, с парадоксами, с океаном — со всем, с кем и с чем он имеет дело.

Маяковский — это трибуна, собеседник, подметчик, то возмущающий голос до грохота, то холодно разный прорыв, то, глядя в глаза человеку, говорящий самые простые сердечные вещи. Всегда — говорящий! Читая стихи Маяковского вслух или наизусть, глазами, — все равно значит слушать его разговор с собой. В этом величайшая сила их воздействия, их убедительности, основанная на собственной убежденности поэта. В этом тайна той удивительной многогранности, в которой работал Маяковский.

В книгах Маяковского с читателями говорят стихами человек, который избрал для себя как основное средство выражения всех своих мыслей и чувств стихи, именно стихи.

Вот о чем следует думать, вспоминая Маяковского, читая его, желая учиться у него.

По страницам печати

«Экспресс вечерний» — Польша,
«Женьминьбао» — Китай

НА КРАКОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

«По явно преувеличенным довоенным данным, в Краковском воеводстве было не менее 250 тыс. «лишних людей». Десятки тысяч людей ежегодно эмигрировали во Францию, а тысячи других отправлялись на сезонные работы в Германию, или, как тогда говорились, «на Саксы».

Так пишет польская газета «Экспресс вечерний» в статье, рассказывающей о преобразении краковской земли теперь, в годы шестилетнего плана развития народного хозяйства Польши.

«Годы шестилетки», — говорится в статье, — это годы генеральной битвы с пережитками капитализма, это годы крупнейших строек в Краковском воеводстве. Понятно, что газета выдвигает в первую очередь строящийся при дружеской помощи Советского Союза гигантский металлургический комбинат Новая Гута и растущий вокруг него социалистический город.

«Но», — продолжает газета, — Новая Гута это лишь один из многих промышленных объектов, предусмотренных шестилетним планом. Большие электростанции Явожно I и II снабдят электроэнергией краковские города и села, а также промышленные центры. В Ольшувском уезде возводятся свинцовые и цинковые заводы, строятся предприятия строительных материалов, целлюлозные, бумажные. Расширяется азотный завод имени Дзержинского в Тарнуве и завод химического синтеза в Дворках. Краковское воеводство становится областью передовой химической промышленности. Будут построены также хлопчатобумажная фабрика в Андрухове и металлообрабатывающий завод в Кеншах».

В длинном списке городов и местечек, где развертывается строительство новых предприятий, газета называет города Новы Тарг, Ляманова, Норданув, Чарны Дунаец, Чорыты, где вырастают крупные вохранилища, и другие.

«Нет теперь лишних рабочих рук». В то же время, указывает газета, кооперирование, механизация сельского хозяйства и передовая агротехника несут с собой рост урожая, пшеницу вместо овсяной ржи, расцвет новых садов и огородов, рост продукции животноводства.

Непрерывно улучшается культурно-бытовое положение трудящихся воеводства. «Новые жилые дома появляются в Кшануве, Тшебине, Осенине, Новом Соце, Ольшувке, Бохне, Новом Тарге... Количество детских садов возрастает до 539, число светил (изб-читален) — в два раза, будет открыто 340 новых библиотек, 12 домов культуры, два театра, 21 городской и 205 сельских кинотеатров. Число больничных коек увеличится на 2.700, поликлиник — на 58, родильных домов — на 163».

Так шестилетка меняет облик краковской земли, скалостого Подляска, известного по старой польской литературе, как символ беспробудной нужды и горя человека.

ФАБРИКА В УХАНЕ

Недавно в городе Ухане пришла в движение десятка тысяч веретен на новой крупной текстильной фабрике.

«Общая площадь фабрики», — сообщает газета «Женьминьбао», — 23 тыс. километров, оборудованное — самое новое. Все ткацкие станки и машины — отечественного производства. Здесь есть трансформаторы из Шанхая и провинции Хунань, хлопкоразрывальные машины из Северного, Юго-Западного и Северо-Западного Китая, кинопроекторы, кардочесальные, ленточно-вытяжные, банкобортные и мельничные из Восточного, Юго-Западного и Центрально-Южного Китая. Эти отечественные машины отличаются не только высокой производительностью, но и совершенством».

Не пытайтесь говорить чужим, не своим голосом, подражая индивидуальным выкрикам голоса Маяковского, примитивно это понимать и пыжась, а найти в себе собственные возможности, которые в той или иной мере заложены в каждом поэте, для разговора по-маяковски с читателем, с народом, со страной, на все самые волнующие страну и народ и самого себя темы, — вот в чем задача!

Заставив посторонних группировщиков, формалистов и начетчиков, которые в течение ряда лет узко, отпугивающе разняли, что такое традиции Маяковского, и тем делали вредное дело, мешавшее постигнуть и широко освоению традиций Маяковского, покончив с вреднейшими, несомненно на все их смехотворности, трюк-бавскими приемами механической примерки поэтической формы Маяковского поочередно к каждому поэту, — давайте примерить характер и богатейший размах поэзии Маяковского ко всей нашей поэзии и в свете этого оценим, что мы делаем и чего недоделываем.

А недоделываем мы очень и очень много. Учитывая наши немалые силы, честно и беспрепятственно оглаживая их, правильно и полезно будет сказать о нашей во многом еще плохой работе; сказать, отвечающей в то же время неверные и вредные попытки говорить о нашей мнимой бедности.

И, наконец, в связи с этим — последнее: поэт Владимир Маяковский работал над стихами, как величайший труженик поэзии. Давайте последуем этой немаловажной его традиции и вспомним те в высшей степени знаменательные слова о работе поэта, которые Маяковский сказал в 1930 году на вечере, посвященном двадцатилетию его деятельности.

«Товарищи, вторая моя задача, это — показать количество работы. Для чего это мне нужно? Чтобы показать, что не то что восьмичасовой рабочий день, а шестичасовой-восьмичасовой рабочий день характерен для поэта, у которого огромные задачи, стоящие сейчас перед республикой. Показать, что нам отдыхать некогда, и нужно изо дня в день не покладая рук работать пером».

Об этих словах Маяковского не вправе забывать ни каждый советский поэт в отдельности, ни вся советская поэзия в целом.

ПОПЫТКА ПЕРЕВОРОТА ПОД ВИДОМ „РЕФОРМЫ“

Италия бурлит...

Так можно коротко охарактеризовать новый подъем борьбы широчайших масс итальянцев против фашистской «реформы» избирательного закона, которую хочет навязать народу правительство де Гаспери. В нынешнем году в Италии должны состояться очередные парламентские выборы. Стремясь любыми способами упредить маршализованный режим, итальянские правящие круги и их заокеанские покровители решили заранее обеспечить на выборах «победу» правящей христианско-демократической партии. С этой целью правительство де Гаспери и внесло в парламент проект нового избирательного закона.

Вот каким способом христианско-демократическая партия пытается заставить итальянского избирателя отдать свой голос...
Рисунок художника МАИОНА из итальянского журнала «Мондо опера»

«За честные выборы! За равные избирательные права для всех!» — гласит эта надпись на стене здания в итальянском городе Ливорно. Подобные надписи можно увидеть сейчас во всех городах и селениях Италии. Массовыми демонстрациями, митингами, забастовками, трудящиеся выражают свой протест против нового мошеннического избирательного закона, который правящие круги пытаются навязать итальянскому народу.

Снимок из итальянской газеты «Унита»

Смысл нового избирательного закона заключается в том, чтобы обеспечить стоящему сейчас у власти блоку реакционных партий во главе с клерикалами (христианскими демократами) 65 процентов всех мест в палате депутатов (385 из 590). Для этого реакционному блоку достаточно собрать на выборах хотя бы на один голос больше половины всех поданных и признанных действительными голосов избирателей. Что касается демократических партий, то даже если они получат поддержку 49,9 процента избирателей, на их долю в палате депутатов заранее отводится — по новому закону — только 35 процентов мест.

Так итальянская реакция по команде из-за океана пытается лишить граждан записанного в республиканской конституции 1947 года равного избирательного права. Так, нарушая конституцию, реакция пытается произвести, по существу, государственный переворот под видом избирательной «реформы».

После того, как правительство ушло, протесты свою антиконституционную «реформу» через палату депутатов, движение народного протеста по всей стране приняло еще больший размах. Закон еще окончательно не утвержден —

предстоит еще его обсуждение в сенате. Только за последние недели в различных районах Италии происходили демонстрации и забастовки протеста. 20 января всеобщую забастовку протеста провели трудящиеся в столице Италии — Риме. Успешно прошла забастовка рабочих металлургических заводов в Удине. Забастовки состоялись также в Венеции, Болонье, Ливорно, Палермо. Движение протеста перебралось и в деревню. В провинции Пиза, например, 24 часа бастовали батраки, испольщики и малоземельные крестьяне.

Прогрессивные силы Италии мобилизуют народные массы, чтобы преградить путь фашистской «реформе».

Некто из итальянского правительства: — Итак, вот статьи нового избирательного закона. Я уверен, что мы сумеем применить их в духе нашей традиции...
Рисунок из итальянской газеты «Унита»

Старая книга и новая жизнь

В Добоз я попал из Бекешчабы утренним автобусом с книжкой Д. Йеша в руке. Село это несколько отличается от обычных алфальских деревень с их прямыми, широкими, усаженными акацией улицами. Узкие, извилистые переулки поражают впервые приехавшего сюда человека. Глиняные мазанки окружены садами, за заборами — заросли кустов шиповника. Дождь льет упорно, назойливо, с самого утра. Земля превращается в тяжелую грязь, которая чуть ли не скатывается с ног сапоги и так облепляет колеса телег, что они становятся похожими на маленькие колеса жернова. Боксировать в такие дни приходится до блеска; работа на полях прерывается.

Я захожу в сельский совет. Он помещается в старом здании. На стене, с правой стороны от входа, мраморная мемориальная доска оповещает о том, что трудящиеся села не забывают о славных революционных днях 1919 года. Я гляжу на эту доску и возвращаюсь памятью к тем временам, о которых писал Д. Йеша. Тогда, в 1939 году, в селе вместе с окрестными хуторами насчитывалось 7.878 жителей. Посевная площадь составляла 14.710 гектаров, из них 9.659 гектаров принадлежало крупным помещикам с количеством земли более тысячи гектаров в каждом. Таким образом на долю крестьян приходилось всего 5.051 гектар, т. е. в среднем меньше чем один гектар на человека.

У 238 семей было менее одного гектара земли, а у 659 семей вообще не было ни клочка. Село Добоз в прошлом — село батраков, поденщиков, землекопов.

Какие же изменения внес сегодняшний день в жизнь села и его людей? О них рассказывает мне председатель сельского совета Габор Дамьяны. Наша беседа идет неторопливо. Мы сидим друг против друга и курим. Председатель иногда замолкает, протирает стекла очков или гладит рукой лист бумаги, словно стирает с него пыль. Тогда молчание затягивается, я отгадываю тему и смотрю в окно. В комнату заходят люди, снимают промокшие шляпы и усаживаются на длинную скамью у стены. Временами они вставляют свое слово в разговор. Так вырисовывается картина новой жизни села.

Врачебный пункт нам обещали в сороч тысяч форинтов, клуб — в сто пятьдесят тысяч форинтов, — говорит председатель. — Три тысячи рабочих дней отработали трудящиеся села добровольно, чтобы построить этот клуб — один из красивейших дворцов культуры во всем комитате. В бывшем графском замке сейчас располагается школа, местная организация Союза трудящейся молодежи Венгрии и контора кооператива по совместной обработке земли. А графский парк сейчас открыт для всех, там устроен стадион.

Земля, — ставил один из присутствующих и начал подсчитывать, загибая пальцы на руке, — всего, значит, 8.600 гектаров разделены между крестьянами в 1945 году. Три сельскохозяйственных производственных кооператива действуют сейчас в Добозе: имени Петфи, «Сетель» и вот только на днях организовался кооператив «Новая жница».

Аутор Герла, — говорит другой, — раньше был господским двором с маленькими батрацкими лачугами вокруг. Теперь там проведено электричество, установлен телефон. За последние четыре года на хуторе построено 105 новых домов. Проложена асфальтированная дорога, открылась школа, начал работать клуб.

— Теперь мы строим узкоколейную железную дорогу в Бекешчабу. Скоро и она

В 1939 году в издании «Ньюгэат» вышли очерки известного венгерского писателя Д. Йеша «Душа и хлеб». Эта книга видного представителя распространения в то время в Венгрии литературного направления «исследователей деревни» давала картину жизни заурядного венгерского села Добоз. Д. Йеша ярко показал разорение венгерской деревни, заволашевание помещичьим гнетом. На днях книга снова попала в мои руки, и чем внимательнее я вчитывался в ее страницы, тем сильнее разгоралось во мне желание увидеть, что происходит ныне в тех местах, о которых рассказывал автор. Что делают, как живут сейчас трудовые крестьяне этого села?

будет пущена в эксплуатацию, — добавляет с уверенностью председатель и бросает взгляд в окно на омытую дождем сельскую улицу.

У стола стоит женщина, прислушивается и вмешивается в разговор: — У нас в Добозе — свой детский сад. В нем пятьдесят детей. Без опаски можем все вынуть в поле — есть кому нынче присмотреть за детворой.

Выходя из прокуренной комнаты, я долго еще стою под дождем перед зданием сельского совета. Рядом со мной — секретарь партийной организации села Михай Надь. Он вспоминает старые времена, когда перед зданием бывшей сельской управы, на этой самой площади, в страдную пору уборки урожая собирались тысячи людей и ждала графского управляющего. Нанимали на работу за одно пенге** в день, а часто и за всеобщих филлеров***. Но даже такую проповедь работу обычно удавалось получить лишь тем, кто мог приходить в три часа утра за 10—14 километров на дальние участки.

Мой новый собеседник — Антал Гергей, председатель сельскохозяйственного кооператива имени Петфи.

— Был у нас такой период, когда кое-кого одолевало сомнение: какая будет эта новая жизнь? — медленно подбирая слова, говорит Гергей. — А теперь, смотрите, есть у нас, т. е. у кооператива имени Петфи, 890 гектаров земли, собираем пшеницу, хлопок, рожь, под огородами огнелюбивый участок. Планы? Вот думаем установить электрический насос — одного механического уже мало, — так как решили отвести под садоводство 22 гектара и полностью механизировать садоводческие работы.

В книге Д. Йеша я отметил такую запись: «Из своего заработка я не могу отложить ни одного филлера», — говорит Т. М., у которого шестеро детей. — Речи о том, чтобы скопить денег, не может даже быть, ведь бедняк всегда голодает».

Меня интересует, как живут теперь многочисленные семьи. И вот мы заходим в Лайош Дьюлени, у которого семеро детей. Он — член кооператива имени Петфи. Прошлогодний доход семьи перечисляет нам его жена.

— Всего мы втроем заработали 625 трудодней. Кроме денег, получили 32 с лишним центнера пшеницы, 12 с половиной центнера кукурузы, 225 килограммов сахара

да еще рожь, сено, картофель, свеклу — всего не сосчитать.

В прошлом году семья поставила небольшую сруб и приобрела корову. — После полудня я посетил учителя Кальмана Тоту Лукача. Мы прогуливаемся с ним по улице мимо Народного парка и заходим в школу, в директору Налу Кочич Сак. Он как раз просматривает альбом учеников. В прошлом учебном году 26 учеников школы окончили 8-й класс, из них тринадцать пошли учиться дальше.

Детей школьного возраста в Добозе около тысячи. Из них лишь десять пропуская уроки более или менее продолжительный срок по болезни. До войны в селе было 380 неграмотных. Сейчас их в пять раз меньше — это старики и старухи.

Но выйдем на улицу, посмотрим на самих детей. Меня волнует сейчас вопрос, который задавал в свое время детям этого села Д. Йеша: «На кого ты хочешь стать похожим?», и получал такие ответы от десятилетних ребятнишек:

«Я больше всего хочу быть похожим на Иисуса Христа, потому что тогда у меня наверняка попадут в рай». Другой отвечал: «Хочу быть похожим на колбасника Хенста, потому что он может есть колбасу, сколько хочет». Два очень характерных ответа — на одном десятке печатей невежества, на другом — нишеты.

Первый паренек, с которым мы встретились у артезианского колодца, был Иштван Фекеге.

— На кого ты хочешь стать похожим? — задаю я вопрос. Мальчуган не спит с ответом. Он сначала повертел головой, затем взглянул исподлобья на меня.

— Я хочу учиться. А потом буду врачом, — сказал и пустился наутек, разбрызгивая грязь под ногами.

Вторым оказался двенадцатилетний Габор Табаи.

— Буду офицером! — заявил он решительно и повернул ко мне серьезное лицо. Еще одна попытка. Михай Таут на мой вопрос ответил:

— Я буду трактористом или тем, кто водит паровозы. Мой брат тоже тракторист.

Дождь тем временем прекратился, и вечерний закат омывает улицы села. Крестьяне возвращаются с поля. У сельского магазина большое оживление. В самом магазине, у прилавка, я насчитал восемнадцать женщин. Они стоят у полок с текстилем: вчера принесли новый товар, надо посмотреть. Семеро тут же покупают. Из них двое делают покупки на сумму более двухсот форинтов каждая, а двое — на шестьдесят форинтов. Какая-то девочка пришла за фруктовой водой, другая просит отвести двести граммов колбасной колбасы.

Завсегудный магазин рассказывает, что особенно большой спрос у них на ткань. Буквально за несколько часов разошлась готовая одежда, туфли, сандалии, головные платки. Нархастят пудр, конфеты, за неделю продадут центнер, а то и больше... Я закрываю свой блокнот. По улице с веселой песней проходит отряд солдат. Девочка загоняет гусей во двор. Со стороны кооперативной чайной доносится голоса и смех. Направляясь в обратный путь с книжкой Д. Йеша в руках, я думаю о том, что увидел новую жизнь в Добозе, новую жизнь венгерской деревни.

Шандор ИЛЛЕШ,
венгерский писатель

Главный редактор К. СИМОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАНОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.